

Южное лето

(Читать на Севере)

МИХАИЛ
ЖВАНЕЦКИЙ

Южное лето
(Читать на Севере)

ЭКСМО

Москва

2014

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ж 41

Жванецкий М. М.

Ж 41 Южное лето (Читать на Севере) / Михаил Жванецкий. — М. :
Эксмо, 2014. — 272 с.

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-70082-0

© М. Жванецкий, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

***И**звините!*

Пишу коротко.

Что-то во мне так распорядилось.

Здесь — летнее.

Юг Большой страны.

Жизнь.

Люди.

Разговоры.

Открытое окно...

Помогли открыть:

Сашиа Сысоев — прокатный цех Нижнего Тагила,

*Олег Сташкевич — прокатный цех Театра
Миниатюр и Борис Иосифович Минц, которому
я благодарен за предложенную помощь и особенно
за честь выступить на закрытии Старого Поли-
технического музея.*

Всегда неподалеку

Ваши Автор

НАМ 200 ЛЕТ

(1994 г.)

Семь лет назад я желал Одессе стать центром Юга. Чтоб была масса мест индивидуального отдыха вместо одного места массового отдыха, ибо массового отдыха не бывает, писал я.

Как ни странно, многое сбылось.

Чтоб рыба заходила, писал я.

Вошла. Никто не предполагал, что это будет связано с падением производства. То есть раньше одесситы, которые работали, не могли купить рыбу, потому что её не было. Теперь они не могут купить рыбу, потому что не работают. Но рыба есть.

Чтоб было много кафе, ресторанов, магазинов.

Они есть. Товар, конечно, иностранный. Конечно, жалко отечественного производителя, но нельзя из жалости к нему ничего не жрать в едином порыве.

Пусть повсюду звучит музыка, и мы красивым летним вечером все в белом будем гулять от музыки к музыке.

И это есть! И мы ходим. Я раньше бегал вдоль Аркадии, отмечая расстояние по туалетам: две воню, три воню, четыре, четыре с половиной воню, и я отдыхал. С возрастом счёт пошёл назад: пять воню, четыре воню, три... Эх бы музыка... Сбылось!

Новая жизнь наложилась на старую — сквозь воню звучит музыка или воняет сквозь мелодию.

В общем, жить стало веселей.

Теперь — вода! Я мечтал, чтоб вода текла не по статистическим данным, а по трубам... Не течёт. Не сбылось. То есть —

через крышу, через стены, через потолок, но не через трубу... Не сбылось. Если б с таким же напором, с каким велась предвыборная борьба... Нет-нет. Сейчас пошучу... Если б из трубы хлынуло то, что хлынуло из телевизора... Нет... Мы бы подошли... Нет... Если б такой же напор, какой был, нет — бил, нет — был, нет — бил в водопроводе... Нет-нет... Сейчас пошучу... То есть поменять напорами, то есть источник один, но поменять отверстия... Вот... Короче, шучу: не наберёшь там, где хочется, а наберёшься там, где не надо.

И помыться бы. Причём, горячей водой.

Это древнее изобретение человечества: мыться горячей водой. Не стоит его отбрасывать, как устаревшее. Можно, конечно, поливать отдельные места из чайника. Одесситы всегда славились отдельно помытыми местами. Я сам принял первую ванну в 33 года, в возрасте Христа, в Ленинграде, и с тех пор очень хочется помыться. Это частным образом не устроить, вода, как при социализме, течёт централизованно, то есть всё, что зависит от людей, сделано, осталось то, что зависит от руководства.

Что мне ещё нравится — количество кафе. Теперь в успешной борьбе с преступностью можно двигаться перебежками от кафе к кафе, можно скрыться в цветном фонтане, можно прикинуться посетителем и упасть за столик, можно прикинуться собакой хозяина. В общем, в борьбе с преступностью спрятаться уже есть где. И перекусить можно вполне прилично немецкой штучкой хамбургер, или, по-одесски — хербурхам, где очень приличная котлетка «как у мамы» с очень приличной булочкой.

И выборы — свободные.

Сбылось... Правда, мы сначала выбираем, а потом гадаем, правильно ли мы выбрали. Но выбираем правильно. А вот того или не того?

Но правильно. В этой ситуации, когда оба поливают друг друга и показывают друг на друге все язвы, всё равно надо выбрать, и второй сразу затихает и уже тише на половину, на одного. Конечно, до сих пор непонятно, почему так рвутся на места, где одни неприятности и тяжёлый бескорыстный труд на благо народа. Но тут важно, как бойцы поведут себя в мирное время, потому что боевые друзья — это ещё не водопроводчики. Но мы жаждем исключений, и первые шаги новых людей обнадёживают. Они уже хорошо знают разницу между богатыми и бедными, но ещё не чувствуют разницы между бездарными и талантливыми. Эту разницу должны показать им мы. Работать надо, надо работать.

На «Плитах» недаром появились первые люди с трудовым загаром. То есть кисти, шея, декольте от майки, одно колено от дыры в штанах. Наконец-то! Спрашиваю: «В поле?» Нет, говорят, на базаре. Хотя турецкий базар сдаёт, не обеспечивает наш город. Уже и качество падает из низкого в мерзкое, уже и наши путаны им надоели, зато мы все в турецком. Обьевшись турецким шоколадом, опившись турецким лимонадом, хрустя турецкой кожей, одесская красавица уже и смотрит турецким взглядом.

Но одесская красавица есть красавица, ибо состоит из смеси разных кровей.

И кто вопит: Россия — для русских, Украина — для украинцев, Молдавия — для молдаван, — пусть приедут и посмотрят на одесскую женщину.

Красавица — есть красавица.

Молодая — мучение.

Пожилая — наказание.

И всё это в рамке, которая называется «любовь».

И не говорите мне, что жизнь стала хуже. Если вдруг прекратится это время...

Если вдруг победят они, кто стонет и плачет и не может забыть диких очередей за водкой. Если вдруг победят они, кто не помнит, что каждый вызов в ЖЭК, в ректорат, в гороно, в партбюро был вызовом в суд, и судили всех и за всё: за мысли, за разговоры, за танцы, за молитвы, за одежды. Они ходят среди нас, те, кто нас судил.

Если вдруг победят они, мы будем сегодняшний день вспоминать как самый светлый день в жизни. Ибо мы были свободны!

А Одесса есть движимая и недвижимая.

Одесса недвижимая — где каждое поколение кладёт свой камень. Талантливый или бездарный — зависит от того, как развивается данный момент. И она стоит — эта Одесса подмазанная, подкрашенная, где-то со своими, где-то со вставными домами, неся на себе отпечатки всех, кто владел ею.

А есть Одесса движимая. Движимая — та, которую увозят в душе, покидая.

Она — память.

Она — музыка.

Она — воображение.

Эта Одесса струится из глаз.

Эта Одесса звучит в интонациях.

Это компания, сплотилась в городе и рассыпалась на выходе из него... И море... И пляжи. И рассветы. И Пересыпь. И трамваи. И все, кто умер и кто жив, — вместе.

Здравствуй, здравствуй.

Не пропадай.

Не пропадай.

Не пропадай...

УЧИТЕЛЮ

Борис Ефимович Друккер, говорящий со страшным акцентом, преподаватель русского языка и литературы в старших классах, орущий, кричащий на нас с седьмого класса по последний день, ненавидимый нами самодур и деспот, лысый, в очках, которые в лоб летели любому из нас. Ходил размашисто, кланяясь в такт шагам. Бешено презирал все предметы, кроме своего.

— Бортник, вы ударник, он не стахановец, он ударник. Он кошмарный ударник по своим родителям и по моей голове. И если вас не примут в институт, то не потому, о чём вы думаете, кстати, «потому, о чём» — вместе или отдельно? Что ты скажешь? Получи два и думай дальше.

Этот мальчик имеет на редкость задумчивый вид. О чём вы думаете, Лурье? Как написать «стеклянный, оловянный, деревянный»? Вы думаете о шахматах: шах—мат. Вы мне — шах, я вам — мат. Это будет моя партия, я вам обещаю. И вы проиграете жизнь за вашей проклятой доской.

Повернись. Я тебе дал пять. О чём ты с ним говоришь? Он же не знает слова «стреляный». Не дай бог, вы найдёте общий язык. Пусть он гибнет один.

Внимание! Вчера приходила мама Жванецкого. Он переживает: я ему дал два. Он имел мужество сказать маме. Так я тебе дам ещё два, чтоб ты исправил ту и плакал над этой. Посмотри на свой диктант. Красным я отмечал ошибки. Это кровавая, простреленная в шести местах тетрадь. Но я тебе дал три с плюсом, тебе и маме.

Сейчас, как и всегда, я вам буду читать сочинение Григорьянца. Вы будете плакать над ним, как плакал я.

Мусюк, ты будешь смотреть в окно после моей гибели, а сейчас смотри на меня до боли, до слёз, до отвращения!

Борис Ефимович Друккер! Его брат, литературный критик, был арестован в 48-м или в 47-м. Мы это знали. От этого нам было тоже противно: брат врага народа.

Борис Ефимович Друккер, имевший в классе любимчиков и прощавший им всё, кроме ошибок в диктанте.

Борис Ефимович Друккер, никогда не проверявший тетради. Он для этого брал двух отличников, а уж они тайно кое-кому исправляли ошибки, и он, видимо, это знал.

Борис Ефимович Друккер брызгал слюной сквозь беззубый рот — какая жуткая, специфическая внешность.

Почему он преподавал русскую литературу? Каким он был противным, Борис Ефимович Друккер, умерший в пятьдесят девять лет в 66-м году. И никто из нас не мог идти за гробом — мы уже все разъехались.

Мы собрались сегодня, когда нам — по сорок. «Так выпьем за Бориса Ефимовича, за светлую и вечную память о нём», — сказали закончившие разные институты, а всё равно ставшие писателями, поэтами, потому что это в нас неистребимо, от этого нельзя убежать. «Встанем в память о нём, — сказали фотографы и инженеры, подполковники и моряки, которые до сих пор пишут без единой ошибки. — Вечная память и почитание. Спасибо судьбе за знакомство с ним, за личность, за истрёпанные нервы его, за великий, чистый, острый русский язык — его язык, ставший нашим. И во веки веков. Аминь!»

ЭММАНУИЛУ МОИСЕЕВИЧУ ЖВАНЕЦКОМУ ОТ СЫНА

(август 1991 г.)

Ну, что ж, отец. Кажется, мы победили. Я ещё не понял кто. Я ещё не понял кого. Но мы победили. Я ещё не понял победили ли мы, но они проиграли. Я ещё не понял, проиграли ли они вообще, но на этот раз они проиграли.

Помнишь, ты мне говорил: если хочешь испытать эйфорию — не закусывай. Это же вечная наша боль — пьём и едим одновременно. Уходит втрое больше и выпивки, и закуски.

Здесь говорят об угрозе голода. Но, если применить твоё правило, голода не будет. Всё будет завалено. А пока у нас от питья и закусок кирпичные рожи лиц и огромные животные впереди фигуры, при которых собственные ноги кажутся незнакомыми.

Так вот. В середине августа, когда все были в отпуске и я мучился в Одессе, пытаясь пошутить на бумаге, хлебал кофе, пил коньяк, лежал на животе, бил по спинам комаров, испытывал на котках уху, приготовленную моим другом Сташком вместе с одной дамой, для чего я их специально оставлял одних часа на три-четыре горячего вечернего времени, вдруг на экране появляются восемь рож и разными руками, плохим русским языком объявляют ЧП, ДДТ, КГБ, ДНД...

До этого ввали, после этого ввали, но во время этого ввали как никогда. А потом пошли знакомые слова: «Не читать, не говорить, не выходить. Америку и Англию обзывать, после 23 в туалете не ...ать, больше трёх не ...ять, после двух не ...еть». А мы-то тут уже худо-бедно, а разбаловались. Жрём не то, но говорим что хотим. Даже в Одессе, где с отъездом

евреев политическая и сексуальная жизнь заглохла окончательно, — встrepенулись. И встrepенулись все! Кооператоры и рэкетеры, демократы и домушники, молодые учёные и будущие эмигранты.

Слушай, пока нам тут заливали делегаты, депутаты и кандидаты, мы искали жратву, латали штаны, проклинали свою жизнь, но, когда появились ЭТИ, все вдруг почувствовали, что им есть что терять. Не обращай внимания на тавтологию, в Одессе это бич. Слушай, я такого не видел. По городу ходили потерянные люди. Оказывается, каждый себе что-то планировал. Слушай, и каждый что-то потерял в один день. Вот тебе и перестройка, вот тебе и Горбачёв.

Одна бабка сказала: «А я поддерживаю переворот. Масло будет». Её чуть не разорвали...

— Масла захотела! Она масла захотела! Ты что, действительно, масла захотела?! Вы слышали, она масла захотела!

— Кто масла захотел?

— А вон та, в панаме.

— Это ты, бабка, масла захотела?

— Она, она.

— Иди, ковыляй отсюда. Масла она захотела!

А настроение было хреновое, отец. Я затих. Опять, думаю, буду знаменитым, опять в подполье, если не глубже. А твой проклятый солнечный город у моря и в мирное время отрезают ото всех киевским телевидением. Ни одной новой московской газеты, ни одной передачи, а тут вообще, всюду радио и из каждой подворотни: «...запретить, не ходить, не ...ать, не ...ить».

Так что сиюю — жду звонка. Звонит наша знаменитая певица, ты уже её не знаешь, отец. Перелезла она через забор своего санатория, и пошли мы с ней на пляж «Отрада». Жара. Народу полно. «Эй, — кричит она, — вставайте. Вы что,

не знаете, что чрезвычайное положение?» Все сказали: «Не знаем». А кто-то сказал: «Знаем». А кто-то сказал: «Нам вообще на это дело...» А кто-то даже головы не поднял.

— Вы что, с ума сошли? — закричала она. — Это я, Пугачёва! Вставай, народ!

Тут их всех как ветром собрало.

— Ты смотри, — закричали они, — Алла Борисовна! Сфотографировать можно?

— Давай, — закричала она, — только с этим, со Жванецким давай.

— Давайте, — закричали тридцать фотографов. — А автографы можно?

— Нет, — сказала хитрая певица, — это плохая примета. Никто не понял, но все согласились.

— Чрезвычайное положение, всё запрещено, — вскричала она, — поэтому мы все сейчас пойдём на другой пляж. Сколько нас здесь?

— Человек пятьсот.

— Мало. Ещё давай. Митинги запрещены, но у нас не митинг, а демонстрация. Что будем делать, если нас арестуют?

— Перебьём всех, — радостно ответила толпа.

— Тогда пошли на другой пляж. Там ещё людей соберём.

Все пятьсот с фотоаппаратами и детьми пошли на соседний пляж, там присоединилось ещё пятьсот.

— А теперь все в воду, — закричала певица, — как на крещении.

— Сейчас я разденусь, — крикнул один.

— Не раздеваться! Кто в чём. Чрезвычайное положение.

И все вошли в воду. Пятьсот и еще пятьсот и запели: «Вихри враждебные веют над нами», и запевалой была она, и они были хором. А я на берегу проводил летучий митинг-беседу с теми, кого интересовало, что такое ЧП, ДП, КГБ, КПУ.